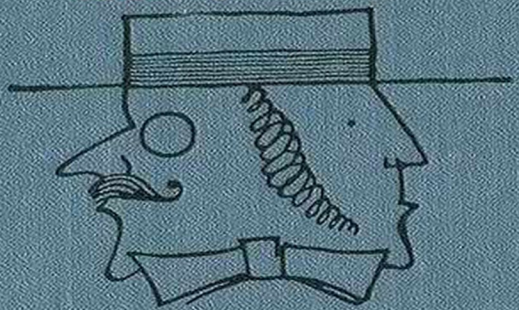
БРЕТ ГАРТ



Звонарь у Ангела
Брет Гарт

Аннотация
Брет Гарт
ЗВОНАРЬ У АНГЕЛА
ГЛАВА I
ГЛАВА II
ГЛАВА III
ГЛАВА IV

Аннотация

Он готов был убить любого из ревности к своей прекрасной жене. Только она не заслуживала ни капли такого трепетного к себе отношения…

Брет Гарт

ЗВОНАРЬ У АНГЕЛА

ГЛАВА I

В том месте, где Норт-Форк, рукав реки Станисло, теряет свою резвую, порывистую стремительность и, уже остепенившись, широко и плавно течет по равнине, в него вдается мыс, который, стоит воде чуть прибыть, превращается в небольшой остров. Суровому, отмеченному печатью мужественности пейзажу Сьерры он противопоставляет своеобразный идиллический покой. Седые мхи и серебристые ветки плакучих ив вдоль скалистого берега полощут длинные пряди в медлительных водах; в глубине, сквозь лесные заросли, проглядывают изумрудные прогалины, блистающие зеленью, даже когда овсюги и буйные травы на берегу уже высохли и желтеют. Река, не загрязненная в этой части стоком из рудопромывных желобов, струится спокойно, неторопливо, и на ее прозрачные воды ложатся задумчивые тени.

Некогда здесь была стоянка вождя индейского племени, утерявшего право собственности на землю в тот момент, когда пуля из американского ружья положила конец его жизненному пути. Пионеру, таким образом унаследовавшему эту

мирную сень, пришлось, в свою очередь, уступить ее, ибо его сразил метким револьверным выстрелом золотоискатель, пленившийся, как и он, успокоительной тишиной. Долго ли тот наслаждался своим прибрежным уединением, неизвестно. Только как- то, в одну из мартовских ночей, неожиданно разлившаяся река унесла его вместе со старым, подмытым дубом, под которым он предавался глубоким, но, увы, бессознательным размышлениям. Впоследствии там подобрана была большая оплетенная бутыль виски. Иных следов последовательная смена обитателей и законных владельцев не оставила в этом тихом, безмятежном уголке.

Позже там построил себе хижину и поселился некий Мак-Ги, известный более как «Звонарь у Ангела». Этим благозвучным прозвищем, наводившим на мысль о сугубо мирном занятии, он обязан был меткой стрельбе по механической мишени, устроенной так, что попадание в яблочко всегда сопровождалось звоном колокольчика. По всей вероятности, такое своеобразное мастерство и закрепило за ним право на приятное уединение. Как бы то ни было, не нашлось охотников оспаривать это право насильственным вторжением на мыс. Только птицы делили с Мак-Ги его

одиночество. Быть может, они и заронили в него мысль о собственном гнезде, во всяком случае, как-то ясным весенним утром он привел сюда жену. Она действительно была его женой, и, таким образом, он как бы насадил здесь те моральные начала, которые, по общему мнению, являются верным и неизменным признаком настоящей идиллии. Алые юбки миссис Мак-Ги — веселое красочное пятно — замелькали среди деревьев на пустынном мысе, а самое миссис Мак-Ги, ее алые щечки, ее ладную фигурку, шляпу с бантами и каштановые, все еще по — девичьи заплетенные косы нередко можно было видеть в час заката на берегу реки, всегда рядом с мужем, которому, казалось, льстили сопровождавшие их восхищенные взгляды, бросаемые украдкой и издалека. Прогуливаясь по берегу в мягкой тени тополей вдоль меркнущего золота реки, он, несомненно, испытывал ту умиротворенность, которую не могут дать одни земные блага и ни с чем не спутают зоркие глаза бьющего без промаха стрелка.

Ближайшими соседями Мак-Ги были братья Уэйн, застолбившие участок на самом берегу реки и построившие себе хижину неподалеку от мыса. Тихие и скромные люди, осуждаемые лишь за пристрастие к церковным песнопениям

и затворничество по воскресным дням, они не привлекали ничьего внимания. Но когда, то ли по наитию, то ли в результате кропотливого обдумывания, они отвели воду из протоки, отделяющей мыс Мак-Ги от берега, и наткнулись на несметно богатую золотоносную отмель, подтвердив тем самым свою вполне обоснованную догадку, что это и есть старое русло, запруженное вековыми наносами, они, можно сказать, заодно изменили и судьбы всего крошечного поселения. Общественное признание выразилось в том, что новорожденный поселок и почтовую контору нарекли в честь братьев Уэйновой Отмелью. Мирный мыс, хотя и более досягаемый теперь, все еще был местом тихим и уединенным, и хорошенькая миссис Мак-Ги могла из своего увитого листвой убежища наблюдать за ведущимися внизу работами, оставаясь при этом невидимой. Так жизнь медленно, но неуклонно вторгалась в этот неприступный идиллический уголок, более того, преображалась и сама местность — даже Норт-Форк изменил свой цвет. Машины, установленные Уэйнами, гнали в ставшие теперь мутными воды промытую породу, и отныне мыс огибала желтая река. Подступы к Эдему были уже осквернены, окрасившись в цвет золота.

Однако миссис Мак-Ги вряд ли приходили в голову подобные сентиментальные рассуждения, а ее муж сам в известной мере способствовал сокрушению неприступности своих владений, присоединив к ним участок на берегу реки — его предоставили ему совестливые Уэйны как возмещение за разрытый перешеек — и став, таким образом, причастным судьбе всей Отмели. Миссис Мак-Ги развлекалась тем, что из своего скрытого от глаз убежища наблюдала — по всей вероятности, с детским интересом, — как трудятся на отмели братья в одинаковых красных рубашках; однако же всякий раз, когда она перебиралась вниз на берег, ее сопровождал муж. В маленьком поселке появилось еще несколько женщин— жен старателей, но было ясно, что Мак-Ги так же мало расположен вверять жену их обществу, как и обществу их мужей. Сложилось мнение, что Мак-Ги, будучи старожилом и имея, благодаря упоминавшемуся выше мастерству, связи в высших кругах поселка Ангела, склонен к аристократической замкнутости.

Впрочем, обоим братьям — основоположникам благосостояния Отмели, отведено было столь же высокое место с тем же правом на исключительность. Своим образом жизни они резко

отличались от остальных старателей, и это так же верно ограждало их от посягательств на близкое знакомство, как и репутация Мак-Ги — его жену. Старший, Медисон Уэйн, был высок, крепкого сложения, хотя и худощав, скуп на слова и медлителен в суждениях; его брат, Артур, был ниже ростом, менее угловат и принадлежал к более хрупким и, вероятно, более впечатлительным натурам. Кое-кто полагал, что недалек тот день, когда они увидят, как Артур «просаживает деньги в покер» и «хлещет виски, как и пристало белому человеку». Пока же братья, по — видимому, довольствовались тем, что проводили вечера у себя в хижине, а воскресные дни — в пресвитерианской молельне, куда было не меньше десяти миль ходу и где, по слухам, адский огонь отмеривали щедрой рукой всем без разбору, и ни за что ни про что осуждали младенцев на вечные муки. Когда же братья по воскресеньям оставались дома, то к ним приходил священник — таково по крайней мере было общее мнение, пока кто-то не убедился, что голос, произносивший в хижине слова священного писания, принадлежал всего — навсего Медисону Уэйну, который вслух читал Библию своему брату. Рассказывали, что однажды при этом перед хижиной остановился Мак-Ги— на сей

раз без жены, — постоял и отошел с выражением более чем обычного довольства на лице.

Как-то утром, часов около одиннадцати, Медисон Уэйн один работал на Отмели. В темно — серой шерстяной фуфайке и белых парусиновых штанах, закатанных выше облепленных илом и песком резиновых сапог, он был похож на мирного рыбака, вбивающего колышки для своих сетей. Медисон работал возле самого мыса. Неожиданно его чуткий слух уловил какой-то всплеск и крик. Оглянувшись, он увидел мелькнувшую в воде алую юбку миссис Мак-Ги и над ней подозрительно колышущиеся ветви дерева. Медисон Уэйн бросился к берегу, скинул с ног тяжелые сапоги и прыгнул в воду. В несколько взмахов он доплыл до алой юбки, которая, как он правильно догадался, действительно заключала в себе самое миссис Мак-Ги, цеплявшуюся за ветку дерева. Обхватив ее талию одной рукой, а другой взявшись за ветку, Медисон обрел точку опоры и вытащил миссис

Мак-Ги на берег. Мгновение спустя, насквозь мокрые, они уже стояли друг против друга под деревом.

— Ну, — сказала молодая леди.

Уэйн с присущей ему обстоятельностью окинул

взглядом пустынный берег и, озабоченно нахмурившись, спросил:

— Вы упали в воду?

— Ничего подобного. Я прыгнула в воду.

Уэйн снова огляделся по сторонам, как бы ожидая увидеть ее неизменного спутника, потом отжал свои густые волосы.

— Прыгнули в воду? — медленно повторил он. — Зачем?

— Чтобы ты пришел сюда, Мед Уэйн, — подбоченясь, сказала она со смехом.

Глядя друг на друга, они стояли мокрые с головы до ног, словно вышедшие из воды речные боги, и, как боги, нимало не смущались тем, что штаны у Уэйна закатаны выше колен, а намокшая алая юбка плотно облегает соблазнительную фигурку миссис Мак-Ги. Но Уэйн быстро опомнился.

— Вам надо пойти переодеться, — серьезно сказал он. — Вы можете простудиться.

Миссис Мак-Ги пренебрежительно передернула плечами.

— Со мной-то ничего не случится, — сказала она. — Но вот что случилось с тобой, Мед Уэйн? С чего это тебе вздумалось играть со мной в молчанку и прикидываться, будто ты меня не узнаешь? Не станешь же ты утверждать, что я

так изменилась?

Она провела рукой по мокрым косам, как бы для того, чтобы отжать из них воду, и, однако, в жесте ее было немало кокетства.

В лице Уэйна, помимо его воли, проступило что-то новое. Его серьезные глаза осветились изнутри.

— Нет, ты все та же, — неторопливо сказал он. — Но ты замужем. У тебя есть муж.

— И ты воображаешь, что девушки от этого меняются? — произнесла она, смеясь. — Тут-то все вы, мужчины, и попадаете впросак! Тебя отпугивает его ружье, Мед, вот и вся перемена.

— Ты же знаешь, что никакое земное оружие меня не испугает, — ответил он спокойно.

Она это знала, но просто воспользовалась привилегией своего пола — выдумывать для вящей убедительности доводы, чтобы тут же милостиво от них отказываться.

— Тогда почему же ты избегаешь меня? Почему отводишь глаза, когда я прохожу мимо? — с живостью спросила она.

— Потому что ты замужем, — ответил он медленно.

Она небрежно отряхнула с себя воду, совсем как молодой ньюфаундленд.

— Вот оно что! Ты просто злишься оттого, что я вышла замуж. Ты злишься оттого, что я вышла замуж не за тебя с твоей молельней на перекрестке и не распеваю с тобой гимны и не стала сестрой Уэйн. Ты хотел, чтобы я отказалась от воскресных танцев и катаний в двуколке, и ты злишься, оттого что я тебя не послушалась. Да, ты злишься, попросту злишься и, как мальчишка, кусаешь себе локти, мистер Мед Уэйн, несмотря на все твое христианское смирение! Вот и все!

И тем не менее она была мила и соблазнительна в порыве своего напускного гнева, такого ненастоящего и несерьезного, что, казалось, она смахнула его со своих юбок единым движением, приоткрывшим на миг ее изящные щиколотки.

— Ты сама выбрала Мак-Ги, — произнес он мрачно. — Но я не виню тебя за это.

— С чего ты взял, что я его выбрала? — резко возразила она. — Много ты знаешь! — Затем, сдавая с чисто женской непоследовательностью свои позиции, она, рассмеявшись, добавила: —Невелика разница — стерегут ли тебя с ружьем или с псалмом. Только…

— Только — что? — серьезно спросил Медисон.

— Другие мужчины не посмотрели бы на ружье и пошли бы на риск из-за девушки, которая толь-

ко тем и провинилась, что не снесла всего этого псалмопевческого вздора.

Выражение боли, промелькнувшее в суровом, мрачном лице Медисона, лишь раззадорило ее милую проказливость. Но он еще раз оглядел уединенный берег, провел рукой по своему мокрому рукаву и сказал:

Мне надо идти. Твоему мужу не понравилось бы, что я здесь.

— Он сейчас работает на участке — на том самом, который дал ему ты. Интересно, как бы ему понравилось, если бы он узнал, что получил его от человека, который всего два года назад увивался за его женой? Не тревожит ли это твою христианскую совесть?

— Я непременно сказал бы ему об этом, не будь я уверен, что все кончено у нас с тобой и мы больше никогда не увидимся, — ответил Медисон таким размеренным тоном, что ей послышался в нем звон церковных колоколов.

— Вот как, брат Уэйн? — сказала она, подражая его тону. — Ну так знай же, ты единственный человек во всей Отмели, который пришелся по душе моему мужу.

Бледные щеки Медисона чуть покраснели, но он не произнес ни слова.

— Я думаю, — продолжала миссис Мак-Ги нетерпеливо, — он не станет возражать против того, чтобы ты иногда навещал меня. Если, конечно, у тебя есть такое желание.

— Я не желаю приходить, если только он не будет знать, что мы с тобой были когда-то помолвлены, — сказал Медисон угрюмо.

— А может, не в пример тебе, он это ни во что не ставит, — бойко возразила молодая женщина. — Не все же такие строгие в этих делах, как ты. Нет девушки, которая не была бы раз, а то и два помолвлена. Но поступай как знаешь, сиди себе дома, если тебе это нравится, и распевай псалмы, и читай священное писание своему младшему брату, хотя я-то уверена, что он предпочел бы гулять с другими такими же молодцами.

— Он у меня богобоязненный и совестливый, — быстро проговорил Медисон. — Ты его не знаешь. Ты никогда его не видела.

— Это верно, — сказала она. И, притворившись (впрочем, только наполовину притворившись), будто дрожит в своем мокром платье, добавила: —Хватит с меня и одного святоши. Целой молельни мне не выдержать, Мед.

— Ты простудишься, — спохватился он, и его лицо вдруг засветилось нежностью, преобразившей

угрюмые черты;— Я держу тебя здесь, а тебе надо идти переодеться. Прошу тебя, иди сейчас же!

Она стояла перед ним по — прежнему вызывающе соблазнительная, делая вид, что вытирает пучками мха руки, плечи и мокрую одежду.

— Ну, пожалуйста, Сейфи, иди!

— Ах, — вырвалось у нее торжествующе. — Значит, ты придешь навестить меня, Мед?

— Да, — ответил он медленно и еще более сдержанно, чем вначале.

— Только дай я покажу тебе, как выбраться — вот сюда, под эти деревья и потом кругом. Тогда тебя никто не увидит.

— Я уйду так же, как и пришел, — сказал он спокойно и, оттолкнувшись от дерева, прыгнул в реку. Прежде чем она успела сказать хоть слово, он уже, размеренно взмахивая руками, плыл наперерез течению.

ГЛАВА II

Неделю спустя Медисон Уэйн сидел один у себя дома. Слуга китаец только что убрал со стола остатки ужина. Смеркалось, и закатное солнце, настойчиво превращавшее окна хижины в яркий маяк для тех, кто держал путь вдоль берега, скрылось наконец за тополями. Медисон Уэйн сидел, подперев голову рукой; перед ним на столе лежала открытая книга, которую он читал до того, как стемнело. В этот момент он услышал, как снаружи заскрипел песок под чьими-то нерешительными шагами. Уэйн был так поглощен своими мыслями, что не заметил, как к его хижине подошел человек, хотя единственная здешняя улица — берег реки — была у него перед глазами. Он поднял голову — на пороге, положив ладонь на дверной косяк, стоял Александр Мак-Ги. Краска бросилась в лицо Уэйну, он почти непроизвольно потянулся к книге и быстро придвинул ее к себе — так люди в минуту опасности хватаются за оружие. «Звонарь у Ангела», заметив только жест, но не румянец, одобрительно кивнул головой.

— Не хочу мешать вам. Я тут шел мимо и, дай,

думаю, остановлюсь й скажу ему «доброй ночи»,

Он прислонился к косяку, сперва передвинув для удобства висевший на бедре револьвер. При виде оружия Уэйн слегка сдвинул брови, но тем не менее произнес своим обычным сдержанным тоном:

— Заходите, пожалуйста.

— А вам сейчас не время молиться? — вежливо спросил Мак-Ги.

— Нет.

— Может, вы должны дочитать что-нибудь из писания?

— Нет.

— Потому что я так сужу, что неправильное это, как бы сказать, дело — мешать человеку, когда он чем-нибудь занят. Понимаете, что я хочу сказать?

Такая уж у него была особенность — он вечно мучился от неумения ясно выразить свою мысль и боязни быть не так понятым, даже когда говорил самые, казалось бы, простые и незначащие вещи. Эта неуверенность, однако, поразительно не вязалась с ясным, проницательным взглядом его глаз.

Уэйн с присущей ему серьезностью заверил Мак-Ги, что тот никак не помешал ему.

— Я не раз подумывал, то есть была у меня такая мысль — вы понимаете, что я хочу сказать? — взять да и заглянуть к вам, когда я хожу мимо. Мы с вами, видите ли, вроде бы чем-то схожи, мы идем не в ногу со всем поселком. Понимаете, что я хочу сказать? Мы не участвуем в общей игре. Ясно вам, куда я гну?

Медисон Уэйн невольно взглянул на револьвер Мак-Ги, и тот своими зоркими глазами тотчас же перехватил этот взгляд.

— Вот именно. Понимаете? Вы с этими вашими книгами, а я с моим револьвером, мы вроде бы не такие, как все. Нам надо с вами стать, ну, как бы компаньонами. Понимаете, что я хочу сказать? Мы держим этот лагерь в узде. У нас с вами все тузы на руках, и мы не потерпим блефа.

— Если вы хотите сказать, что пример христианской и богобоязненной жизни может до некоторой степени оказывать благотворное влияние… — начал Медисон серьезно.

— Вот именно: бога ли бояться или моего револьвера — все сводится к одному, когда покопаешься поглубже и дойдешь до коренной породы, — прервал его Мак-Ги. — Я, понятно, не жду, что вы думаете, как я, но мне ваш обычай очень по душе, хотя я и не умею играть в вашу

игру. Вот я и говорю моей жене «— вы ее видали, она частенько прогуливается здесь со мной. — «Сейфи, говорю, я должен познакомиться с этим человеком, и познакомлюсь! И я хочу, чтобы ты познакомилась с ним». Постойте, — быстро добавил он, видя, что Уэйн покраснел и с протестующим жестом встал со стула. — Вы не поняли. Я ведь догадываюсь, что у вас в мыслях. Когда я женился и привез жену сюда, я ей сказал — мне-то ведь известно, что такое старательский лагерь: «Никаких штучек, никаких шашней за моей спиной, дорогая! Ты молода и понятия не имеешь, что такое мужчины. Первого же, с кем ты заговоришь, я уложу на месте. Тебе, моя дорогая, бояться нечего, я могу прострелить все вокруг тебя, мои пули пройдут у тебя под рукой, над плечами, над головой, между пальцами — и ни одна не коснется, не заденет, не поцарапает тебя. Но уж по нему я не промахнусь. Ты ведь понимаешь, что я имею в виду, — сказал я. — Так вот, остерегись!» А вы заметили, какое уважение оказывают тут все моей Сейфи? Королева Виктория на троне, и та такого не знает. Но когда я вижу вас и вижу, что вы не сбиваетесь со всеми в одно стадо, не поднимаете глаз на меня и на Сейфи, когда мы идем мимо, не таскаетесь по салунам, не подми-

гиваете и не сыплете грязными историями про женщин, а молитесь здесь и вместе с братом читаете рассказы из священного писания, я говорю себе: «Сэнди, когда он поблизости, можешь снять свой револьвер, а дробовик повесить на стену. Потому что между ним и твоей женой стоит не револьвер, а страх перед богом, и преисподней, и вечными муками, и вера в загробную жизнь.» Вы понимаете, что я хочу сказать? Вы схватываете мою мысль? Вам ясно, куда я мечу, так ведь? Я к тому говорю, чтобы вы приходили запросто, по — соседски навестить мою жену.

Лицо у Уэйна снова стало замкнутым и угрюмым; он приблизился к Мак-Ги, прижимая к груди книгу с заложенной пальцем страницей.

— Я знаком с вашей женой, мистер Мак-Ги. Я знал ее еще до того, как познакомились с ней вы. Я был помолвлен с ней; я любил ее, и в той мере, в какой дозволено любить жену другого, не нарушая заповедей этой книги, я все еще люблю ее.

К его удивлению, Мак-Ги, который все это время смотрел на него ясным взглядом, ни разу не отведя его в сторону, внимательно оглядел его, взял у него книгу, положил на стол, открыл, вопрошающе перелистал страницы и, сказав с уважением: «Вот тут и есть этот закон?» — про-

тянул ему руку.

Медисон Уэйн помедлил в нерешительности и потом сжал его руку.

— Знай я это раньше, — проговорил Мак-Ги, — я, верно, не был бы так строг и придирчив к Сейфи. Она лучше, чем я думал о ней, раз ее женихом были вы! Вы понимаете, что я хочу сказать? Схватываете мою мысль? Я всегда вроде бы удивлялся, почему она за меня пошла, но теперь, зная, что за ней ухаживали вы на ваш правильный божеский лад, я так сужу: вы ее к этому и подготовили. Понимаете? Ну, значит, решено, вы к нам придете?

— Я зайду к вам как-нибудь вечером вместе с братом, — смущенно сказал Медисон.

— С кем? — переспросил Мак-Ги.

— С моим братом Артуром. Мы обычно проводим вечера вместе.

Мак-Ги помолчал, прислонившись к косяку, и, устремив на Уэйна свой ясный взгляд, произнес:

— Если вам это все равно, то лучше не приводите его. Понимаете, что я хочу сказать? Схватываете мою мысль? Только вы и я, и никакого другого мужчины. Я ничего не имею против вашего брата, но вы сами Должны понять. Только вы и я.

— Хорошо, я приду, — сказал Уэйн угрюмо.

Но когда Мак-Ги вышел, он в нерешительности

последовал за ним. Сделав над собой усилие, он проговорил почти хрипло:

— Я должен сказать вам еще одно. Я виделся с миссис Мак-Ги и разговаривал с ней уже здесь, в Отмели. На прошлой неделе она упала в воду, и я подплыл к ней и вытащил ее на берег. Мы разговаривали, вспоминали прошлое.

— Упала в воду? — протянул за ним Мак-Ги.

Уэйн помедлил, потом, густо покраснев, медленно повторил:

— Упала в воду.

У Мак-Ги просветлели глаза.

— Я был слишком строг к ней. Она могла бы утонуть, вы спасли ее, рискуя жизнью. Так ведь? Вы понимаете, что я хочу сказать? И подумать только, она мне ни словом не обмолвилась, даже не похвастала, что это вы помогли ей выбраться. Ну хорошо, значит, вы придете и повидаетесь с ней снова.

Он повернулся и зашагал прочь бодрым шагом.

Уэйн возвратился в хижину. Он сидел у окна до тех пор, пока над рекой не зажглись звезды, а одна звезда, давно знакомая ему, не заняла своего обычного места в чаще у самой вершины холма на маленьком мысе. Прибрежные леса на

том берегу постепенно слились в темную прямую полосу, протянувшуюся через все видимое пространство, и сырой блестящий песок перед хижиной померк. Вскоре и мрачное лицо Уэйна исчезло из окна, и мистер Мак-Ги, наверно, был бы весьма удовлетворен, знай он, что Уэйн опустился на колени перед своим стулом и склонил голову на молитвенно сложенные руки. Немного погодя Уэйн поднялся, вытащил из угла старый, потрепанный чемодан, вынул из него связку писем и стал не спеша, одно за другим, бросать в теплящийся в очаге огонь. Поэтому окна хижины то ярко освещались, то снова погружались во мрак, сбивая с пути и без того сбившегося в этот вечер с пути Артура Уэйна, возвращавшегося из поселка Ангела в том несколько мрачном и раздраженном состоянии духа, которое следует за чрезмерной веселостью и свидетельствует о нечистой совести.

Когда Артур вошел, последнее письмо уже догорело, и в хижине было темно. Брат сидел возле угасающего очага, и Артур понадеялся, что при неясном свете выражение его лица и неуверенность движений, которую он сам с неловкостью ощущал, пройдут незамеченными.

— Что так поздно? — спросил Медисон суровым

тоном.

В ответ на это Артур сразу перешел в наступление. Он вернулся не позже, чем другие, и если молодые Роджерсы вызвались по доброте душевной составить ему компанию, то не мог же он убежать от них только потому, что его ждет брат! Нет, ужинать он не будет, он перекусил кое — чем в салуне на Перекрестке вместе со всеми. Да! И виски, если на то пошло. Не станут же там подавать кофе и безалкогольные напитки в угоду ему и его брату, а он не намерен оскорблять все общество, держась особняком. Во всяком случае, он не давал еще зарока не прикасаться к спиртному и не понимает, почему он должен отказываться от стаканчика: и без того все говорят, что он неженка и слюнтяй, он сыт этим по горло.

Медисон встал, зажег свечу и поднес ее к лицу брата. Перед ним было красивое юношеское лицо, раскрасневшееся от новых впечатлений или, быть может, от причин более материального свойства. Небольшие шелковистые усики были щегольски подкручены кверху, каштановые кудри напомажены медвежьим салом. Однако в вызывающем взгляде синих глаз проступала юношеская робость и неуверенность, тотчас же растопившая сердце старшего брата. «Я был слиш-

ком строг с ним», — сказал он себе, безотчетно вспомнив слова Мак-Ги о Сейфи. Уэйн поставил свечу на место и, мягко опустив руку на плечо Артура, проговорил со сдержанной нежностью:

— Ну, Арти, садись и расскажи мне обо всем.

После чего переменчивый Артур, мигом избавившись от всякого беспокойства, а заодно и от владевших им сомнений и упреков совести, стал веселым и разговорчивым. Когда он покончил с покупками в поселке Ангела, хозяин лавки представил его полковнику Старботтлу из Кентукки, как «одного из братьев, прославивших Уэйнову Отмель». И полковник Старботтл сказал своим обычным напыщенным тоном — вообще-то он в конечном счете не так уж плох, — что семья Уэйнов должна быть представлена в Совете Штата и что он почтет за честь выставить кандидатуру Медисона и провести его на следующих выборах.

— И знаешь, Мед, если бы ты побольше водился со здешним народом и они, ну что ли, меньше боялись тебя, ты наверняка прошел бы. Я вот уйму друзей себе завел, просто поболтавшись там немного. И одна из дочерей старика Селвиджа — знаешь, хозяина лавки — заявила, что по рассказам представляла себе меня пятидесятилетним стариком, который глаза заводит от

слабости, а не то что подкручивает кончики усов. Она за словом в карман не лезет! А к почтмейстеру приехала из Штатов жена с тремя дочками, и они позвали меня на свой церковный праздник на будущей неделе. Конечно, это не наша церковь, но ведь здесь нет ничего дурного.

И он порассказал еще многое другое с болтливостью человека, облегчившего свою совесть. Когда он остановился, чтобы перевести дух, Медисон проговорил: — А у меня здесь после твоего ухода был гость — мистер Мак-Ги.

— Вместе с женой? — живо спросил Артур.

Медисон слегка покраснел.

— Нет, но он пригласил меня навестить ее.

— Это ее рук дело, — сказал Артур со смехом. — Она, когда проходит мимо, всегда искоса поглядывает на меня. И еще вчера Джон Роджерс дразнил меня, говорил, чтоб я держал ухо востро, не то Мак-Ги продырявит меня пулей, и вся недолга. Конечно, — добавил он и, рисуясь, подкрутил усы, — все это глупости! Но людям не запретишь болтать, к тому же она слишком хорошенькая для такого мужлана, как Мак-Ги.

— Она обрела в его лице заботливого супруга, — сказал Медисон строго, — и тебе не подобает, да и не по- христиански это, Артур, повторять пустые

и нечестивые сплетни, которые распускают в поселке. Я знал ее до замужества, и пусть она не была ревностной христианкой, но всегда была чистой, хорошей девушкой! А теперь довольно об этом.

То ли тон брата на него подействовал, то ли просто переменчивость характера взяла свое, но Артур оставил эту тему и продолжал многословно пересказывать свои впечатления от поселка Ангела. Однако, по — видимому, он нисколько не был смущен или обескуражен, когда в разгар его разглагольствований брат раскрыл Библию, поставил на стол свечу и выдвинул два стула. Артур слушал, как Медисон невыразительно читает положенный ежевечерний отрывок, со столь же невыразительным почтением. Потом они поднялись, не глядя друг на друга, и с одинаковым, раз и навсегда установленным бесстрастным выражением, застывшим на лицах, преклонили колени каждый перед своим стулом, держась обеими руками за твердые деревянные спинки, которые, словно в порыве покаяния, они время от времени судорожно прижимали к себе. В этот вечер вслух молился старший брат, и его голос, постепенно становясь все громче и громче, взлетал над стенами и низкой крышей хижины,

над ровной линией огней прибрежного поселка, мерцавших за окнами, над темными деревьями, окаймлявшими реку, и над огоньком там, на холмистом мысе — все ввысь, ввысь к спокойным, бесстрастным звездам.

Пусть в его тоне и жестах было много нарочитого и показного, но признания его, обращенные к творцу всего сущего, шли из глубины сердца, и поэтому наша летопись умалчивает о них. Достаточно сказать, что в них звучали обвинения всему человечеству, поселку, самому себе, брату, хотя многое вызвавшее его гнев было вложено в человека самим творцом и никогда им не возбранялось. Но в его исполненных отчаяния обличениях тем не менее теп^ лилось человеческое чувство и нежность; об этом свидетельствовало то обстоятельство, что к концу руки у него дрожали, а лицо было орошено слезами. Младший же брат был настолько растроган, что принял решение впредь уклоняться от вечерних молений.

ГЛАВА III

Через неделю поселок с удивлением наблюдал за тем, как Медисон Уэйн вдвоем с мистером Мак-Ги шли не спеша по направлению к мысу. Вступив в заросли ивняка и лавров, которые словно определяли его границы, они скрылись из виду и стали подниматься по узкой лесной тропинке, пока не добрались до вершины холма, расчищенной акра на два и, к удивлению Уэйна, возделанной. Здесь же находилась и супружеская обитель Мак-Ги — четырехкомнатный домик, столь своеобразного, необычного вида, что привлек к себе даже рассеянное внимание Медисона. Это было швейцарское шале, разборное и прибывшее сюда в ящиках, импортированное из Европы в Калифорнию еще в те времена, когда там впервые было найдено золото и считалось, что страна эта — безлесная местность. С присущей ему дотошной добросовестностью Мак-Ги объяснил, что купил его в Мэрисвилле не столько за живописность, сколько за то, что в своих ни о чем не говорящих упаковочных ящиках домик не должен был возбудить любопытства старателей и, кроме того, мог быть установлен с

помощью одного — единственного, не страдавшего болтливостью китайца, — вот почему никто не подозревал о существовании шале. Поистине было что-то неожиданно привлекательное в этом образчике архитектурного мастерства Старого света, в этой безупречно пригнанной двухцветной дощатой обшивке, ромбовидных резных украшениях, причудливых скатах крыши, выступающих карнизах и миниатюрной галерее. И хотя Медисону, как большинству людей строгих и косных взглядов, чуждо было всякое искусство, и глаз его привык к скупым и суровым очертаниям хижин калифорнийских старателей, тем не менее он пленился изяществом и новизной этого домика. Он напомнил ему о ней, и Медисон почувствовал прилив уважения к грубоватому нечестивцу, сумевшему так вознести свою жену, выбрав для нее это жилище. Черокийская роза и лоза испанского дикого винограда обвили галерею. Здесь-то и сидела миссис Мак-Ги.

В ее обращенном к ним лице Медисон прочитал, что их появление было для нее неожиданностью, а из того легкого изумления, с каким она посмотрела на мужа, он заключил, что тот ничего не рассказал ей о своем предварительном визите и приглашении. Это подтвердилось первыми же

словами Мак-Ги.

— Я привел к тебе старого друга, Сейфи. Он ухаживал за тобой в Ангеле до меня — так он сам сказал мне; а в Отмели вытащил тебя из воды, — это он мне тоже сказал. Помнишь, я еще раньше говорил тебе, что он единственный из всех здешних мужчин, с кем я хотел бы свести знакомство, и, надо же, как все ладно получилось, это и твой выбор тоже. Понимаешь, что я хочу сказать, схватываешь мою мысль?

Схватывала миссис Мак-Ги мысль своего мужа или нет, неизвестно, но, во всяком случае, она не проявила ни досады, ни беспокойства, не выказала ни малейшего смущения. Искушенный в такого рода делах мужчина усмотрел бы в этом полном отсутствии замешательства дурное для себя предзнаменование. Но Медисон не был мужчиной искушенным. В ее беззаботной улыбке он прочел поощрение своим чувствам, от прикосновения ее прохладной ручки его, как от жаркого пожатия, бросило в дрожь, и он едва осмелился поднять глаза и встретить ее смеющийся, дразнящий взгляд. Как только он оказался на галерее, последовав туда за Мак-Ги, ему сразу стало понятно, чем она была занята до их прихода. С этого возвышения открывался вид

на всю местность и на протекавшую внизу реку; поселок, как карта, расстилался у ее ног; ясный прозрачный воздух позволял ей видеть каждый жест и даже выражение лица младшего Уэйна, который, никак не подозревая о том, что является объектом наблюдения, работал один на Отмели. Мгновенно бледное лицо старшего Уэйна окрасилось румянцем, отчего, он и сам не знал. Очевидно, им овладело чувство раскаяния оттого, что он не работает там, рядом с братом. Слова миссис Мак-Ги, казалось, отвечали его мыслям.

— Отсюда можно незаметно рассмотреть все, что делается внизу. Иногда я развлекаюсь этим. На днях молодой Карпентер в кустах возле хижины миссис Роджерс выжидал, пока уйдет ее старый муж, и я видела, как она, думая, что скрыта от всех глаз, тайком пробралась к нему.

Миссис Мак-Ги рассмеялась, стараясь поймать отведенный в сторону взгляд Медисона и не замечая при этом его сдвинутых бровей. На слова ее откликнулся мистер Мак-Ги:

— Вот почему, — пояснил он Медисону, — я не разрешаю моей Сейфи водиться с этими женщинами. Не то, чтобы мне приходилось видеть что-нибудь вроде этого, да и нет у меня охоты на это смотреть, а такие уж у меня правила. Вы

понимаете, что я имею в виду?

— Это ваш брат там? — повернувшись к Медисону, спокойно пропустив мимо ушей высказывание мужа, спросила миссис Мак-Ги, указав на видневшуюся вдали фигуру Артура. — Почему вы не взяли его с собой?

Медисон в нерешительности посмотрел на Мак-Ги.

— Его никто не звал, — сказал этот джентльмен жизнерадостным тоном. — Третий будет лишний! Ты с ним не знакома, моя дорогая, и я не собираюсь приглашать к нам всю Отмель. Ты схватываешь мою мысль?

Не возразив на это ни словом, миссис Мак-Ги поднялась и стала водить Медисона по своему маленькому коттеджу. В узком коридорчике она коснулась его руки;

потом, задержавшись при переходе из комнаты в комнату, чтобы пропустить вперед мужа, за его спиной многозначительно посмотрела Медисону в глаза. Смущенный и растерянный, он выдавил из себя несколько общих фраз, но так принужденно, что даже Мак-Ги это заметил. Затем события приняли настолько неожиданный оборот, что Медисон и вовсе растерялся.

— Послушайте, — сказал Мак-Ги, внезапно

повернувшись к ним. — Думается мне, вам надо бы поговорить о старых временах, а я пока пойду на участок и поработаю. Не обижайтесь на меня. А если он, — тут Мак-Ги указал пальцем на Медисона, — станет толковать с тобой о религии, не обижайся и ты на него. Это тебе не принесет вреда, Сейфи, не больше, чем мой револьвер, а действует это сильно, и... Ты понимаешь? Схватываешь мою мысль? Ну, я пошел!

Он тут же вышел и вскоре затерялся среди деревьев. Смущенный Медисон подумал было последовать за ним, но ему преградили путь озорные глаза и улыбающееся лицо миссис Мак-Ги, стоявшей между ним и дверью. Потом, вдруг напустив на себя серьезность, она указала Медисону на стул.

— Садись, брат Уэйн. Если ты хочешь обратить меня в свою веру, на это, как известно, нужно время. С тем же успехом можешь устроиться поудобнее. Ну, а я, я займу место, положенное кающимся грешникам. — Она рассмеялась своим прежним девичьим смехом, таким знакомым Медисону, подпрыгнув, уселась на стол и, сложив на коленях руки, начала покачивать ножкой в щегольской туфельке.

Обратив к ней бледное взволнованное лицо с

горящими глазами, Медисон молча и беспомощно смотрел на нее.

— Ну, а если ты хочешь поболтать со мной, Мед, как бывало мы болтали, усевшись на крылечке в Ангеле, когда па и ма уходили в дом, тогда садись рядом со мной. — И она сделала вид, что подбирает свои пышные юбки.

— Сейфи, — произнес несчастный мученик тоном, который, казалось, становился все более строгим и торжественным по мере того, как росло его волнение, — закон всевышнего соединил тебя с этим человеком…

— Ах, у нас здесь, оказывается, молитвенное собрание! — протянула Сейфи, с подчеркнутой покорностью снова расправляя юбки. — Продолжай.

— Послушай, Сейфи, — горестно воззвал к ней Медисон, — во имя господа, во имя нашего прекрасного благословенного прошлого, давай побеседуем с тобой серьезно и благостно. Воспользуемся этими минутами, чтобы искоренить из наших слабых сердец желания, внушенные искусителем, желания, которые твой союз с этим человеком сделал запретными и греховными. Во имя прошлого давай, как брат и сестра, обсудим это с тобой.

— Вот как! Теперь я сестра Мак-Ги! — оборвала она его с издевкой. — Не очень-то ты был похож на брата, когда увивался за мной в Ангеле.

— Я тогда любил тебя и хотел, чтобы ты стала моей женой.

— А теперь ты разлюбил меня? — спросила она дерзко, глядя ему прямо в глаза озорным взглядом. — Только потому, что я не вышла за тебя замуж? И ты воображаешь, что это по — христиански?

— Ты же знаешь, что я люблю тебя по — прежнему! — воскликнул он горячо.

— Тише! — произнесла она насмешливо. — А что, если тебя услышит Сэнди?

— Это не будет для него неожиданностью, — с горечью ответил Медисон. — Я сказал ему об этом.

Она в упор посмотрела на него.

— Ты сказал ему — что — все еще — любишь меня? — произнесла она, подчеркивая каждое слово.

— Да, иначе я не был бы здесь. Это был мой долг перед ним и перед своей совестью.

— Что же он ответил тебе?

— Снова повторил свое приглашение и — господь в том судья и свидетель — казалось, был

доволен и удовлетворен.

Сложив свои пухлые губки и протяжно свистнув, она спрыгнула со стола. Лицо ее было полно решимости, глаза сверкали, она отошла и стала смотреть в окно. Медисон робко последовал за нею..

— Не прикасайся ко мне! — резко сказала она, ударив его по протянутой руке. Вспыхнув, он повернулся и направился к двери. Его остановил ее смех.

— Ведь пожимание ручки, наверное, не входит в твой договор с Сэнди? — заметила она, бросая взгляд на свою руку. — Ах, ты все-таки уходишь?

— Я думал только несколько минут побеседовать с тобой серьезно и благостно, Сейфи, и потом никогда больше не видеть тебя.

— А как на это посмотрит Сэнди? — сухо спросила она. — Он ведь хочет, чтобы ты бывал здесь? Выходит, только оттого, что за один раз ты не сумел обратить меня в свою веру и не заставил думать по — твоему, ты готов вот так сразу взять и убежать? И это, ты считаешь, по — христиански? А не кажется ли тебе, что если ты сейчас пустишься наутек, ты этим докажешь ему, что вся твоя христианская стойкость и христианское смирение — одно притворство?

Медисон опустился на стул и, опершись локтями о стол, спрятал лицо в ладони. Она подошла ближе и прикоснулась рукой к его плечу. Он сделал было движение, чтобы взять ее за руку, но она тут же нетерпеливо отдернула ее.

— Послушай, — сказала она напрямик, — раз у тебя нет другого выхода, ты должен вести честную игру до конца. Он доверяет тебе, но если увидит, что ты сам себе не доверяешь, без предупреждения всадит в тебя пулю. Это тебя не пугает? Ну, а это-то тебя, наверное, испугает: он скажет, что религия твоя — сплошной обман, а сам ты лицемер. И ему все поверят! Как это тебе понравится, брат Уэйн? Будет ли это на пользу твоей церкви? Слушай! Вы с ним оба с придурью, но сейчас он взял над тобой верх, и тебе остается только поддерживать его веру в тебя. Ты должен набраться храбрости и приходить сюда как можно чаще. Чем чаще, тем лучше, тем скорее вы осточертеете друг другу, а я — вам обоим. Этого ведь вам только и нужно. Так вот запомни: можете оба нисколько меня не бояться.

Она отошла от окна, уже успокоенная, с таким видом расправляя складки своего яркого платья из набивной ткани, словно хотела показать, что во всем, что касается ее мужа и его гостя, она

умывает руки.

Очень земное и очень мужское чувство, близкое к стыду, пробилось сквозь кору его религиозности, и, запинаясь на каждом слове, он сказал:

— Ты не можешь меня понять, Сейфи.

— Тогда говори со мной о том, что я могу понять, — подхватила она живо. — Расскажи мне, какие новости в Ангеле. На днях там был твой брат; кажется, он вскружил головы всем молоденьким женщинам. Так я по крайней мере слышала от миссис Селвидж. Пока мы будем идти берегом к участку Сэнди, ты успеешь мне все рассказать. Тебе сейчас самое время уходить, ведь это твой первый визит; в следующий раз можешь посидеть подольше.

Она отошла в угол комнаты, сняла там свои щегольские туфельки и надела пару уличных башмаков, которые шнуровала, по очереди ставя ногу на стул и проявляя полное безразличие к присутствию гостя. Потом она сняла со стены темно — коричневый голландский чепец, небрежно натянула его на свои еще более темные волосы, подобрав под него косы, и завязала лентами под подбородком. Все это она проделала без малейшего кокетства, хотя чепец был очень ей к лицу, и ни разу не взглянув на Медисона. Какое круше-

ние его нравственных устоев! Что были все муки от ее искусительных речей и юного презрения рядом с этим полным попранием его мужского достоинства, с молчаливым пренебрежением к нему, как к существу низшему даже по сравнению с ее мужем! Он следовал за ней, и лицо его горело, а сердце было полно бурным протестом, увы, совсем не христианского свойства.

Ивы расступились, пропуская их, и сомкнулись снова.

Часом позже миссис Мак-Ги возвратилась в свое увитое зеленью убежище уже одна. Она сняла чепец, повесила его на гвоздь, смахнула на спину заложенные на голове косы и сменила выпачканные землей башмаки на туфельки, потом вышла на галерею и, улыбаясь, окинула взглядом залитую солнцем отмель. Вытянутые тени мужа и бывшего ее жениха, похожие, словно близнецы, двигались вдоль берега по направлению к поглотившей их вскоре тени тополей. Внизу, почти у ее ног, ни о чем не подозревающий Артур Уэйн продолжал разрабатывать старое русло, продвигаясь к мысу. Солнечный луч упал на его ярко — красную рубашку, обнажению шею и голову, всю во взмокших кудрях. Тот же луч осветил темную головку миссис Мак-Ги, и, очевидно, он-то и

заронил в нее шаловливую мысль. Она бросилась в спальню и, сняв со стены зеркало, принесла его на балкон; повертев его так и сяк, она нашла, наконец, нужный угол и направила солнечный зайчик туда, где работал Артур. Какое-то время брильянтовое сверкание играло вокруг него. Подняв голову Артур повернул ее с любопытством в сторону холма, но тотчас же прикрыл ладонями ослепленные и смеющиеся теперь глаза; тем временем миссис Мак-Ги, скрытая завесой листьев, откинулась назад и расхохоталась от души, совсем, как девочка.

Прошло три недели, и Медисон опять сидел один у себя в хижине. Он все чаще и чаще оставался теперь в одиночестве, так как Артур, открыто восстав, пренебрегал своими религиозными обязанностями, предпочитая им легкомысленные развлечения, поставляемые Отмелью. Как ни страдал Медисон из-за отступничества брата, он был настолько поглощен собой, что не мог должным образом противодействовать этому, и боль оттого, что Артур впал в суетность и безрассудство, усугублялась в сознании Медисона мыслью, что есть в этом и его вина. Как мог он укорять брата, когда его собственным сердцем завладела любовь к жене ближнего? И хотя он

строго следовал своим суровым моральным требованиям и держался в тени, блюдя интересы Александра Мак-Ги, он был довольно частым гостем в его доме. Правда, сама миссис Мак-Ги во многом облегчила задачу Медисона, молчаливо приняв его условия. Теперь она вела себя с ним более естественно, была весела и порой проявляла даже мягкость и предупредительность, что неизменно радовало мужа и удивляло поклонника. Произошла ли эта чудесная перемена под влиянием его суровой религии и еще более суровых жизненных правил, на этот вопрос он не смог бы ответить. Одно было ясно: миссис Мак-Ги не была расположена следовать им и в тех редких случаях, когда Медисон излагал свои взгляды, отмахивалась с полным равнодушием. Странно, но эти двое мужчин были, казалось, неразрывно соединены для нее, что проявлялось даже внешне, как, например, в том случае, когда, нежно взяв их обоих под руку, она, к величайшему изумлению и восхищению Отмели, на глазах у всех прогуливалась с ними по берегу реки. Говорят, что мистер Джек Гемлин, игрок по профессии, приехавший с деловыми целями в Уэйнову Отмель, великий знаток женской красоты и женских слабостей, кинув на чету Мак-Ги и Уэйна один — единствен-

ный взгляд из-под своих красивых ресниц, задал вопрос, столь развеселивший младшее поколение Отмели, что Медисон Уэйн нахмурился, а Артур Уэйн покраснел. Мистер Гемлин не придал значения нахмуренным бровям старшего брата, но обратил некоторое внимание на краску в лице младшего и еще большее на кокетливый взгляд, который бросила хорошенькая миссис Мак-Ги. Справедливо ли мнение, высказываемое некоторыми моралистами, будто легкомыслие и ветреность по некоему загадочному инстинкту взаимно притягиваются, в этой хронике решать не место; достаточно и того, что здесь приводятся факты.

И все же Медисон Уэйн мог быть удовлетворен плодами своих усилий. Жертва его была не напрасной; он счастливо выбрался из опасной ситуации и счастливо восторжествовал над еще более опасным соблазном. Это была победа, полная, безоговорочная, и достиг он ее, действуя в соответствии со своими мрачными теориями искупления и духовного возрождения. Однако же он не был счастлив. Человеческое сердце порой бывает странно неутолимым. И когда в этот вечер он сидел в сгущающихся сумерках, книга, которая должна была служить ему бальзамом и

опорой, лежала у него на коленях нераскрытой.

Шаги, раздавшиеся снаружи, были с некоторых пор настолько знакомы ему, что он даже не удивился. Это мистер Мак-Ги, унылый, как тень, забрел на досуге в его хижину. Следует сказать, что дружба этих двух таких несхожих между собой мужчин хоть и была искренней и глубокой, отнюдь не веселила их души.

Убежденность обоих в неискоренимой испорченности всего рода человеческого, обуздываемой лишь страхом суровой кары и возмездия, все равно физического или духовного свойства, не способствовала легкой, непринужденной беседе. Разговор их чаще всего представлял собой мрачную хронику жизни Отмели и сам по себе был уже обвинительным актом. В этот вечер Мак-Ги говорил о появлении в их поселке мистера Джека Гемлина, и оба сокрушались, что стараниями этого изобретательного джентльмена расточается драгоценное время и нажитые тяжелым трудом деньги старателей Отмели.

— Нельзя сказать, — добавил Мак-Ги осторожно, — чтобы он стрелял из-за угла, нет, просто он меткий стрелок. И я слыхал, будто он никогда не передергивает. Но вот на пользу ли вашему брату, что он проводит с ним столько времени,

еще неизвестно, на это можно смотреть и так и эдак. Вы понимаете, что я имею в виду? Вы схватываете мою мысль?

При всем том разговор явно не клеился. То ли Уэйн был чем-то озабочен, то ли Мак-Ги уж очень запинался, больше чем когда-либо боясь быть неверно понятым. В хижине совсем стемнело, когда Мак-Ги, отделившись наконец от дверного косяка — место его обычного пребывания, — подошел к окну и призрачной тенью склонился над стулом Уэйна.

— Я хочу сказать вам кое-что, — начал он медленно, — но только вы уж поймите меня, как надо. Вы схватываете мою мысль? И не подумайте, что я придираюсь, или осуждаю, или хочу бросить на вас тень. Понимаете, что я имею в виду? С той поры, как у нас был здесь с вами разговор про вас и Сейфи, с той поры, как я понял ваши мысли и правила жизни, я так же уверен в вас и в ней, как если бы сам ходил за вами по пятам с револьвером. Я и теперь уверен в вас. Понимаете, что я имею в виду? Вам это ясно? Вы сделали много добра и мне и ей, она совсем переменилась, как только вы взялись за нее, и скажи вы мне сейчас, чтобы я встал посреди церкви и, как у вас говорится, свидетельствовал об этом перед бо-

гом, Сэнди Мак-Ги готов. А веду я вот к чему. Я-то понимаю вас, и ваши цели, и ваши правила, но найдутся и такие, что не поймут. Вы схватываете мою мысль? Вам ясно, что я хочу сказать? Так вот, вчера вечером, когда вы и Сейфи шли нижней тропкой у реки, я наткнулся на вас…

— Вы ошибаетесь, — быстро прервал его Медисон. — Я не был…

— Постойте, — сказал Мак-Ги спокойно, — я знаю, что вы свернули в сторону до того, как я увидел вас, а вы — меня, потому что вы ведь не думали, чт, о это я. Разве не верно? В том-то все и дело! Вас мог увидеть не только я, а кто угодно из поселка. Верно? Вот почему вы сразу свернули, прежде чем я вас заметил, и вот почему бедная Сейфи так взволновалась сначала и, пока не опомнилась, все хотела убежать. Потом-то она, конечно, рассмеялась и прямо сказала, что вы обознались.

— Но, — с трудом выдохнул Медисон, — я не был там вчера вечером.

— Что?

Оба выпрямились одновременно и стояли, глядя друг на друга. Мак-Ги с благожелательной, чуть насмешливой улыбкой положил руку на плечо Уэйна и легонько повернул к окну, чтобы

видеть его лицо. Оно показалось ему мертвенно бледным и растерянным.

— Вы — не были — там — вчера вечером? — повторил он медленно и все так же терпеливо.

Прошла секунда, прежде чем Уэйн ответил, но ему показалось, что за эту секунду совесть его претерпела часовую пытку. Потом вся кровь прихлынула к его лицу и он, запинаясь, впервые в своей жизни солгал:

— Да нет! Конечно! Я ошибся. Это был я.

— Понимаю. Вы думали, что я рассержусь, — сказал Мак-Ги спокойно.

— Нет, я перепутал, я думал, это было позавчера. Я, должно быть, поглупел. Разумеется, эт. о было вчера вечером.

Он рассмеялся, что вообще с ним случалось не часто, а сейчас этот смех получился таким вымученным, что поразил Мак-Ги куда сильнее, чем смущение Уэйна. Мак-Ги задумчиво посмотрел на него и медленно проговорил:

— Наверное, я появился вчера слишком неожиданно перед вами, но, видите ли, я думал совсем о другом, и у меня из головы вон, что вы могли быть там. Но я не рассердился, нет! Совсем нет! И я для того только заговорил об этом сейчас, чтобы вы были поосторожнее перед другими людьми.

Вы схватываете мою мысль? Вы понимаете, что у меня на уме?

Он повернулся, дошел до двери и остановился на пороге.

— Вы ведь меня понимаете? Вы же не думаете, что это я со зла, что я не доверяю вам? Может, мне не следовало говорить про это? Я должен помнить, как трудно приходится частенько вам и ей. Вы схватываете мою мысль? Вы понимаете, что я имею в виду?

Он медленно пошел по тропинке в сторону реки. Если бы Медисон Уэйн поглядел ему вслед, он увидел бы, что голова у Мак-Ги опущена, а походка сразу отяжелела. Но Медисон Уэйн сидел, не двигаясь, на своем стуле и с мрачной сосредоточенностью монаха мучился ужасным подозрением.

ГЛАВА IV

Тем не менее назавтра и во все последующие дни солнце ярко светило над Отмелью; воздух был насыщен дыханием жизни и деятельности; поселок благоденствовал, как никогда: добыча золота с осушенного дна протоки на вновь открытых месторождениях превзошла все ожидания. Говорили, что братья Уэйн просто «купаются в золоте». Зная Медисона Уэйна, никто не был удивлен тем, что привалившее ему счастье никак не сказалось ни в выражении его лица, ни в поведении. Его сумрачность объясняли скупостью и противопоставляли ему щедрого Артура с его беспечной расточительностью. Однако же, считая Медисона скрягой, все именно поэтому питали к нему страх и уважение. Его долгие одинокие прогулки вокруг маленького мыса, вечная настороженность, сдержанность в ответах были, по общему мнению, характерны для человека, всецело посвятившего себя наживе. Почтение, которое не могла внушить его религиозная обособленность, охотно расточалось его финансовой замкнутости. У одного Мак-Ги не было заблуждений на этот счет. Как-то столкнув-

шись с Медисоном у зарослей ивняка, он попенял ему в свойственной ему манере, что после их последней встречи тот уклоняется от посещения миссис Мак-Ги и их дома.

— Знаю, знаю, такой христианин, как вы, не станет таить зла, — проговорил он, — но похоже, что вы решили отвернуться от меня и от Сейфи после того, что я сказал вам тогда.

Напрасно Медисон протестовал со всей своей мрачной непреклонностью. Смерив его ясным, как всегда, взглядом, Мак-Ги дольше, чем обычно, хранил молчание. Наконец он медленно произнес:

— Я тут подумываю съездить во Фриско, и у меня бы камень с души свалился, если бы вы пообещали присмотреть иногда за Сейфи.

— Уж не собираетесь ли вы оставить ее здесь одну? — резко спросил Уэйн.

— А почему бы и нет?

Уэйн несколько мгновений молчал в нерешительности. Потом его вдруг прорвало:

— На это есть тысячи причин! Если она нуждалась в вашей защите раньше, то теперь нуждается особенно. Вы, что ж, полагаете, что Отмель стала менее нечестивой и греховной, чем в те времена, когда вам казалось необходимым охранять жену

с револьвером в руке? Опомнитесь! Вы разве не видите, что поселок еще больше погряз в скверне! На новых участках рыщут проходимцы — хищные волки, подобные Гемлину и его друзьям. Эти идолопоклонники готовы воздвигнуть здесь жертвенники Ваалу и Астарте и посеять в ваших жилищах все мерзости Содома!

— Библейская образность подействовала на Мак-Ги или властность тона — как бы то ни было, взгляд его просветлел, и в нем выразилось восторженное одобрение.

— Вот вы как раз и есть тот человек, который может совладать с ними, — проговорил он, хлопнув Уэйна по плечу. — Вам и карты в руки — беритесь за дело! А мы с моим револьвером, — добавил он тише, — свое отслужили.

В его тоне было что-то необычное, заставившее Уэйна насторожиться.

— Да, — медленно поглаживая бороду, продолжал Мак-Ги, — всему свой час: и таким людям, как я, и револьверам; мир не стоит на месте. В Отмели прибыло людей, и даже река изменила русло — все идет своим чередом. — Понимаете, что я хочу сказать? Вы схватываете мою мысль? И стрясись что со мной — я это просто так говорю, но с человеком ведь все может случиться, — я

хотел бы, чтобы вы присмотрели за Сейфи. Не каждая женщина может похвалиться тем, что ее берегут двое мужчин, таких похожих и непохожих, как мы с вами. Вы схватываете мою мысль? Вы понимаете, что я хочу сказать?

С этими словами Мак-Ги внезапно покинул своего спутника, свернув на крутую тропинку, ведущую к вершине холмистого мыса, а Уэйн погрузился в мрачное раздумье. На следующий день Мак-Ги уехал по делам в Сан — Франциско.

Подавленный новой ответственностью, желая к тому же осуществить один план, который, как он смутно надеялся, поможет ему избавиться от преследовавшей его ужасной мысли, Медисон был в таком состоянии духа, что даже обрадовался, когда Артур сообщил ему о своем намерении отправиться на несколько дней в поселок Ангела.

Ибо после того памятного разговора с Мак-Ги Медисон не сомневался, что Сейфи с кем-то тайно встречается. Было ли это минутной безрассудной прихотью своенравной женщины или продолжением давней тщательно обдуманной любовной интриги, он не знал, и это заботило его меньше, чем двусмысленность собственного положения и та ложь, которой он спас ее и ее любовника, тем

самым как бы потворствуя им.

То, что тогда, в решающий момент, он не свидетельствовал перед богом о греховности и безнравственности, что, покрывая ее ложь, он воспрепятствовал господу спасти ее душу — таково самомнение религиозного фанатика! — что он обманул доверие мужа, вручившего ему честь своей жены, — все это терзало его больше, чем сама ее измена. Сначала, охваченный ужасом, он страшился увидеться с ней, боясь, чтобы она своим признанием — он-то знал ее безжалостную прямоту с ним — не раскрыла ему всю глубину его соучастия. Позже, и особенно после отъезда Мак-Ги, он внушил себе, что его долг — бороться и одолеть слабость ее духа, молить ее во всем открыться мужу, и тогда он, Медисон, вместе с ней испросит ей прощение. Весь этот сомнительный план внушила ему его религия, в своих же человеческих чувствах он был до конца бескорыстен. Он уже простил ей свою обиду. Он должен тотчас же ее увидеть.

Ночь была тиха и насыщена тайным напряжением, полная луна щедро изливала трепетный свет, разбрасывая колеблющиеся, подобные летним молниям, стрелы по синеве реки и выводя причудливый кружевной узор вдоль всей тро-

пинки, вьющейся между ивами вверх по склону холма. С земли тянуло сухим, чуть пропыленным запахом нагретой сосновой хвои; томительно пахло диким жасмином; кустарниковая полынь источала свой женственный горьковатый аромат, и над всем стояла нескончаемая таинственная тишина. Порой в нее вплеталось невнятное перешептывание падающих листьев, прерывистые вздохи древесных вершин и похрустывание потревоженных веток, лениво потягивающихся со сна. Медисон Уэйн не принял в расчет коварный сговор Ночи со всей Природой, и, чем выше он поднимался, тем неувереннее становились его шаги: его одолевали странные, новые для него ощущения.

Непреклонность в стремлении к цели, которую давали ему суровые религиозные убеждения — всегдашние его вожатые, — стала ослабевать. Нежное сочувствие прокралось в его сердце, а следом пришла исполненная любви жалость к своим ближним и к себе. Он думал о Ней, о том, как в доме отца на освещенной луной веранде она, бывало, сидела, прижавшись к его плечу и держа его за руку, пока его безжалостные верования не расхолодили и не отпугнули ее. Он думал о ее юном простодушии, невинной прелести, ко-

торой она обладала в его глазах. Крутой поворот тропинки — и вот он уже стоит, задыхаясь и дрожа, перед ее домом. Лунный свет мягко ложится на спящие карнизы. Цветущая лоза испанского винограда словно тоже погружена в сон. Алые бутоны вьющейся черокийской розы кажутся в этом призрачном свете целомудренно белыми.

Но он выбрал слишком позднее время для встречи. Дом смотрел на него слепыми окнами, и только в одном — в окне ее спальни — за муслиновой занавеской мерцал огонек. Ее тень в свободно спадающей одежде раз или два промелькнула в окне. Медисон затаил дыхание и готов был уже бесшумно удалиться, как вдруг он замер. Рядом с ней за занавеской выросла другая, большая тень, несомненно, принадлежащая мужчине.

Словно маньяк, одним бешеным прыжком он достиг двери и уже стучал и колотил по ней, издавая хриплые, яростные вопли. Но, и неистовствуя, он все же различал быстрые шаги, ее вызывающий полуистерический смешок, торопливый бег по лестнице, звуки поспешно снимаемого засова и отворяемой вдалеке двери. Тем временем менее прочная дверь, в которую он ломился, поддалась наконец его слепой ярости, и он с грохотом растянулся на полу гостиной. Задняя дверь стояла

распахнутая настежь. Он слышал, как на склоне холма шуршат и трещат ветки под ногами бросившихся в разные стороны беглецов. Некоторое время он не двигался с места, спрашивая себя: «Что дальше?»

На глаза ему попалось ружье Мак-Ги; оно стояло в углу дулом кверху. Даже на взгляд профана это начищенное до блеска оружие было великолепно; его ствол с шестигранной насечкой отливал в лунном свете синевой. Медисон схватил ружье. Оно было заряжено. Без промедления он ринулся с холма вниз. Теперь только одно и было в его мыслях — долг, прямой и ясный. Он заменяет здесь Мак-Ги, он должен выполнить то, что сделал бы Мак-Ги. Бог покинул его, но ружье Мак-Ги у него осталось.

В несколько минут он преодолел спуск и очутился на берегу. Перед ним была спокойная, переливающая серебром речная гладь. На ней он увидел то, чего и ждал, — голову человека, плывущего в сторону поселка. Он тщательно прицелился в эту темную мишень и спустил курок. С реки до него не донесся отзвук выстрела; где-то вдали залаяла собака, возле него прошелестели деревья — вот и все! Но голова человека скрылась из виду, жидкое серебро сомкнулось, и на нем не

было ни пятна, ни точки.

Вскинув ружье на плечо и действуя бессознательно, как это свойственно людям в критические минуты, он медленным шагом направился к дому и, войдя туда, бережно поставил ружье на прежнее место. Ни разу он не вспомнил о бежавшей из дому ничтожной женщине и, появись она перед ним в этот момент, он не заметил бы ее присутствия. Однако какой-то смутный инстинкт — он воспринял его как любопытство — заставил его подняться по лестнице и войти в ее спальню. На столе все еще горела свеча с тем чудовищным безразличием и будничностью, которые всегда так подчеркивают ужас настоящей трагедии. Возле свечи лежал ремень и кожаный кошелек. С диким, нечленораздельным воплем Медисон Уэйн рванулся к ним, схватил их, пошатнулся, опрокидывая стул, упал, вскочил на ноги, ощупью, словно слепой, спустился по лестнице, опрометью кинулся на тропинку и, не помня себя, как безумный, сбежал по склону холма.

Тело Артура прибило к берегу через два дня в двенадцати милях ниже по течению. Ни у кого не возникло никаких подозрений относительно того, как его настигла смерть, — все было ясно и прозаично. Артур найден был полураздетым, и

ремень с кошельком, который, по примеру всех старателей, он для сохранности надевал прямо на голое тело, отсутствовал. Все знали, что, когда он покидал Отмель, при нем была значительная сумма денег; несомненно, пока он шел берегом реки, его выследили, ограбили и убили головорезы, наводнившие в последнее время местность. Горе и отчаяние старшего Уэйна — того, кто уцелел из этого столь хорошо известного всей Отмели братского и религиозного содружества, — хоть и проявлялись лишь в мрачной и молчаливой подавленности, изредка нарушаемой взрывами религиозного неистовства, были, однако, так неподдельны, что тронули даже огрубелые сердца старателей. Не успел поселок вернуться к своей обычной лихорадочной деятельности и увеселениям, как его потрясла новая весть. Александр Мак-Ги, находясь на борту сакраментского парохода в Каркинесском проливе, сорвался с палубы, и тело его было унесено в море. Видимо, эта печальная новость достигла слуха его преданной жены, прежде чем стала известна остальным; во всяком случае, когда, движимые грубоватым сочувствием, жители поселка — считая, что теперь запрет снят — добрались до ее жилища, дом был пуст и на запоре. Злые чары, тяготеющие над

мысом, снова восторжествовали, роковая слава необитаемого места была восстановлена.

Одновременно пришел конец и процветанию Отмели. Медисон Уэйн продал свой участок, одарив церковь на Перекрестке вырученными деньгами, а ее кафедру — своим мрачным, безысходным обличительным красноречием. После первых же дождей Норт-Форк вышел из берегов и, хлынув через установленные вместо мирных уейновских насосов непрочные плотины, влился в прежнее русло. Словно бы возымели действие проклятия, которые обрушивал преподобный Медисон Уэйн на весь прибрежный Содом. Но даже это не смягчило гневного пророка: вскоре стало известно, что, покинув свою вконец запутанную паству, он в качестве проповедника объезжает лагери старателей, усовещивая и призывая к духовному обновлению самый свирепый и необузданный сброд. Отъявленные негодяи корчились у его ног в бессильном ужасе и еще более бессильной ярости; убийцы и воры, слушая его, бледнели и стискивали зубы, сдерживаемые лишь страхом, который он внушал им. Снова и снова он рисковал жизнью, когда с библией в руках вырастал над возбужденной толпой; в него стреляли, его прокатывали на шесте, его

изгоняли, но заставить его замолчать не могли. И вот, носясь, как вихрь, по всей Калифорнии, сея вокруг себя страх и неистовство, отвергая жизнь и милосердие, клеймя без разбора правого и виновного, он как-то в воскресенье оказался на од» ой из скалистых вершин Сьерры — на самом грязном, захватанном и обтрепанном краю цивилизации, — куда был проложен проезжий тракт. Здесь он намеревался, по обычаю своему, «свидетельствовать перед господом».

Но все получилось не так, как он предполагал. Ибо, когда, встав на валун, он возвысился над сорока или пятьюдесятью старателями, которые расположились вокруг него, и «ые сидя, а кто и лежа на таких же камнях и валунах этого отвесного горного уступа, неожиданно поднялся какой-то человек, растолкал остальных и, бросившись к краю уступа, стал торопливо спускаться вниз с обрыва. Вдруг из нескольких глоток сразу вырвался крик, все вскочили: по — видимому, оступившись, беглец у них на глазах катился вниз.

Его подняли наверх, жестоко изуродованного, искалеченного, с расплющенной грудной клеткой и пробитым легким, но он еще дышал и был в сознании. Он попросил позвать к нему проповедника. Смерть уже нависла над ним, заставляя

бороться за каждый вздох; нельзя было медлить ни минуты. Медисон Уэйн прервал проповедь и, величественный в своей мрачной непреклонности, приблизился к умирающему. Но, увидев его, он вздрогнул.

— Мак-Ги! — выдохнул Медисон.

— Пусть все уйдут, — еле слышно попросил его Мак- Ги, — мне надо вам сказать кое-что.

Старатели молча отступили.

— Вы думали, меня нет в живых, — проговорил Мак- Ги; глаза у него по-прежнему были незатуманенные, изумительно ясные. — Так оно и должно было быть, но теперь и без доктора видно, что ждать недолго. Я для того и ушел из Отмели, чтобы найти свою смерть. Пробовал затеять драку, но меня обходили стороной, боялись моего ружья. Против меня была моя слава. Вы схватываете мою мысль? Вы понимаете, что я хочу сказать?

Опустившись возле него на колени, сжимая его руки, преображенный, объятый ужасом, Уэйн хрипло шепнул:

— Но…

— Постойте! Я спрыгнул с палубы сакраментского парохода… и уже в третий раз уходил под воду… на пароходе подумали, что я утонул, они

и сейчас так думают! Но за мной нырнул рыбак с лодки. Я отбивался изо всех сил, но он был не из тех, кто отступается, и пошел бы ко дну вместе со мной. Не мог же я позволить ему умереть— как бы это сказать — так, задаром. Вы схватываете мою мысль, понимаете, что я хочу сказать? Я дал ему спасти себя. Но дело было сделано. Когда я вернулся во Фриско, я прочитал там в газете, как я утонул. И тогда я решил, что все в порядке, и вот бродил по этим местам, где меня никто не знает, пока не встретил вас.

— Но зачем вам понадобилось умирать? — воскликнул Уэйн исступленно. — Какое право вы имели искать смерти, когда другие, двоедушные, запятнавшие себя кровью, осуждены жить, страдать и «свидетельствовать».

Умирающий в знак протеста пошевелил искалеченной рукой и даже улыбнулся краешком губ.

— Я знал, что вы так скажете, знал, что вы так подумаете, но теперь уже все равно. Я сделал это для вас и Сейфи. Я знал, что вы тот, кто ей нужен. Знал, что вы тот, кто вытащит ее из трясины, где я ее оставил, как вы уже сделали раз, когда она упала в воду. И я знал, что каждый день, который я живу, я заставляю страдать вас и надрываю

сердце ей, хоть она и старалась, как могла, быть ласковой и веселой.

— Всемогущий боже! Да замолчите же! — воскликнул Уэйн, в нестерпимой муке вскакивая с места. Впервые в ясном взгляде «Звонаря у Ангела» промелькнул испуг — никому еще не дано было видеть этого; дрожащим голосом он прошептал: — Хорошо, молчу…

Сердце Мак-Ги, видимо, тоже готово было смолкнуть навсегда, чудесные глаза начали стекленеть. Но, перебарывая смерть, он снова — всплывая в третий раз, как показалось Уэйну, — вернулся к жизни, и губы его медленно зашевелились. В отчаянии бросился проповедник на землю рядом с ним.

— Брат мой, говори! Во имя бога, говори!

Последний шепот, такой слабый, словно то были первые слова освобожденной души, слетел с его уст. Но он лишь проговорил:

— Вы схватываете… мою… мысль? Понимаете… что я хотел?..